

ПАВЕЛ МОРОЗОВ

Руссо-туристо

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Павел Морозов
Руссо-туристо.
Юмористические рассказы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=15068924
ISBN 9785447435790*

Аннотация

Автор предупреждает – рассказы автобиографичны, но взгляд юмориста всегда склонен преувеличивать и перевирать, поэтому не стоит искать в нелепых поступках героя конкретных исторических параллелей. Все герои вымышлены, но ситуации – вполне достоверны.

Содержание

Жизнь – прекрасна!	5
Руссо-туристо	12
Венгрия	14
«Золотой лев»	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Руссо-туристо

Юмористические рассказы

Павел Морозов

© Павел Морозов, 2016

© Павел Морозов, фотографии, 2016

ISBN 978-5-4474-3579-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жизнь – прекрасна!

*Жизнь – прекрасна!
Главное – правильно подобрать
антидепрессанты...*

Если б Вы знали, как я мечтаю увидеть себя на сцене, Вы себе даже не представляете! Не на видео, а на сцене, живьем – себя в роли Отелло или, скажем, в роли князя Мышкина. Вам все равно не понять этого, потому что профессионального актера, которого посещают такие мысли, может понять только коллега. Только коллега поймет, почему самые счастливые для меня мгновения наступают, когда я сижу в зале в качестве зрителя. Это просто неземное наслаждение!

Это не я запарываю текст, это не я поскользнулся и грохнулся со стола, это не меня будет материть режиссер за завалянный темпо-ритм, это не у меня лопнет на спине сюртук при изящном поднятии на руки, мягко говоря, располневшей героини, и, наконец, это не я танцую пародийный танец на плечах партнера весом в пятьдесят два килограмма!

Да... хорошо быть зрителем!.. Никакой тебе ответственности, ни каких тебе душевных травм и вывихов коленных

суставов...

Павел Морозов в роли графа Калиостро

Сразу же наплывают воспоминания о том, как я играл в спектакле «Последняя гастроль графа Калиостро» в период вынужденных частых посещений психотерапевта. Однажды, мне были прописаны какие-то чудодейственные антидепрессанты. Причем психотерапевт настоятельно просил меня рассказать обо всех нюансах и ощущениях, поскольку даже он смутно представлял – какими они могут быть. Но добрый доктор предупредил, что лекарство якобы делит пациентов на две категории – одних мягко возбуждает, других – не менее мягко затормаживает.

Как я потом понял, г-н психотерапевт не очень точно представлял себе истинный смысл слова «мягко». Перед самым спектаклем я вдруг осознал, что не совсем понимаю, кого мне сейчас придется играть. Поэтому спросил об этом режиссера-постановщика. Он разоржался и сказал, что очень оценил мою шутку. Тогда я тихо задал тот же вопрос партнерше. Она послала меня к... черту. Потом я увидел программку, и прочел в ней, что в роли Калиостро – П. Морозов. Стало немного легче. Значит – Калиостро... Я призадумался... Теперь осталось понять – кто такой П. Морозов? Я становил на полном скаку, ошалело пробежавшего мимо режиссера, и поинтересовался у него кто такой Морозов? К ответ меня назвали «гав... юком» и сказали, что это уже похоже

на шутку дебила.

Но тут очень добрая душа в образе помощника режиссера, тоже часто посещавшая психотерапевта, голосом заговорщика открыла мне удивительную тайну: Калиостро и П. Морозов – это я и есть... Два – в одном? И тут мне стало по-настоящему страшно, поскольку теперь я не мог вспомнить до конца ни одной строчки из своей роли. У некоторых реплик я не мог вспомнить даже первых двух слов.

...Как я играл в тот день Калиостро помню с трудом (вот на это я не хотел бы смотреть ни живьем, ни на видео). Помню только, что когда по моей вине провисла первая гигантская пауза, все актеры начали сверлить меня зверскими взглядами в ожидании моей реплики. Я мучительно пытался вспомнить начало строчки, тянул время сколько мог, и вдруг медленно, но внятно выговорил то, что всплыло в «мягко заторможенном» мозгу: «В роли графа Калиостро... П. Морозов...» Зрители в этот момент не просто засмеялись, они застонали и захрюкали, вытирая слезы о плечи впереди сидящих.

Еще помню, как пел под фонограмму дуэтом с героиней, не попадая губами в свои слова, но очень успешно подпевая партнерше в самых неожиданных для нее местах. Далее не помню, но допускаю, что в антракте меня дружно били но-

гами артисты во главе с режиссером. Но это, видимо, не помогло, потому что в начале второго акта я вышел в центр сцены в съехавшем набекрень парике и с достоинством произнес: «Итак... Калиостро и П. Морозов – это мы и есть».

Зал снова всхлипнул и снова хрюкнул. Ну а потом...

Второй акт я помню очень смутно, а тому, что мне рассказывают, я не очень доверяю. Но... говорят, что за первые десять минут спектакля режиссер позеленел, через полчаса поседел, к концу первого акта обреченно шипел из-за кулисы, что я уволен (на мой вопрос – откуда на следующий день у меня взялись синяки – внятного ответа я так и не получил, но сделал некоторые неутешительные предположения)...

...Ну и конечно же был финал! Редкое для наших краев море цветов и буйство аплодисментов. Точно помню, что больше всех на бис вызывали меня и режиссера-постановщика. Я кланялся, прикладывал руки к сердцу и посылал в зал воздушные поцелуи (как делать это я не забыл) и все время удивленно оглядывался и почему на поклон не выходит режиссер?

...Мда... Хорошо, все-таки сидеть в зрительном зале, шурша шоколадной фольгой, и наблюдать за тем, как на сцене непринужденно и весело протекает легкий и беспечный

труд актеров.

Руссо-туристо

Это было в незапамятном прошлом, то бишь, в двадцатом веке. В аккурат перед свержением румынского диктатора Чаушеску. Собственно, о том, что пожизненного Президента Румынии вскоре казнят, я тогда ни слухом, ни духом не ведал. Для простых советских смертных, не обремененных политической интуицией, Румыния тогда была хоть и социалистической, но все же за границей, к тому же к ней примыкала абсолютно условно «социалистическая» Венгрия, о которой ходили упорные слухи, что именно в тамошнем воздухе витает устойчивый сладостный аромат гниения капитализма, неизвестно какими путями проникающий с сопредельных вражеских территорий. Именно поэтому мы с женой правдами-неправдами втиснулись в списки на молодежно-комсомольский тур «Венгрия-Румыния».

Не знаю, что больше помогло: наша с женой идеологическая незапятнанность, разгар перестройки, или мои громкие имя и фамилия. Папу моего угораздило дать мне при рождении имя Павел, что в сочетании с родовой фамилией Морозов окрасило мою дальнейшую жизнь в откровенно трагикомические тона: довольно часто, представляя свою скромную особу в различных инстанциях и ситуациях мне приходилось с мягкой извиняющейся улыбкой уточнять – не родственник,

тем более не он сам. Но, так или иначе, нас довольно быстро включили в тур.

Венгрия

Поездку по Венгрии я помню плохо по ряду причин – историческая эйфория прекрасной половины нашей тур-группы и многодневный запой сильной половины (группу из десяти мужиков, кроме меня, представляли шахтеры Луганщины), откровенно говоря, сильно мешали объективному восприятию венгерской действительности.

Помню пятнами, как наша прекрасная половина периодически застывала возле магазинных витрин: запредельное изобилие напрочь потрясали среднестатистическое воображение советских тружениц и домохозяек. А когда слегка обезумевшая толпа из сорока «руссо-туристо» вываливалась из «Икаруса» в какой-нибудь супермаркет, продавцы опасно запирали кассы, а венгры-покупатели тесно прижимались к стенам, в надежде не быть растоптанными.

– Люся!!! Люся!!! – орала блондинка бухгалтерской внешности, – это та самая соска! С термометром!!! Я тебе говорила, а ты не верила! Меняет цвет, если есть температура. Попробуй! Нет, ты попробуй, – орала она и пыталась сунуть огромную цветную соску в рот подруге-брюнетке. Но той было не до соски – она в гипнотическом трансе зависла у стеллажа с разноцветной жвачкой: такой жвачный рай даже

в самом извращенном сне не могло ей раньше привидеться. В дальнейшем она скупала бубль-гумные радужные шарики целыми стеллажами и я видел ее только жующей.

Тур-шахтеры, в мизантропическом похмелье не разделявшие женских восторгов, приценивались только к спиртному, и цены их явно не радовали.

Радостное повизгивание попеременно перегарным чадом продолжалось обычно не меньше двух часов. После окончания шопинга, напоминавшего татаро-монгольский набег, наша увеличившаяся в весе и объеме группа только с восьмого раза втискивалась в автобус. «Икарус» сразу проседал на все четыре колеса.

Продавцы облегченно переводили дух, а ошеломленные зрелищем венгры-покупатели медленно отлипали от стен, с трудом пытаясь вспомнить цель своего прихода в супермаркет.

Вечерами мне втайне от жены приходилось участвовать в шахтерской кампании по уничтожению купленного днем спиртного (шахтеры в то время получали в месяц восемь моих зарплат и не могли позволить себе не перепробовать все венгерские марки).

«Золотой лев»

...Второе воспоминание: ресторан «Золотой лев», где нас должны были покормить проездом. Сам ресторан выглядел величественно: огромный белый зал с разноуровневыми площадками, высоченные колонны, и золоченая лепнина под потолком. Белые столы и стулья. Белые скатерти. Молочно-кремовые салфетки с золотым фирменным тиснением. Мы несколько оторопели от монументального величия этого кулинарного Мавзолея: женщины одергивали на себе юбки и блузки, мужчины вытирали носки туфель о штанины.

Гид, сопровождавший нашу группу, ловко лавируя между столами повел нас к забронированным местам. Длинной голодной змеей перетаптывались мы друг за другом мимо смачно чавкающих завсегдатаев. Глаза наши спотыкались о безымянные шикарные блюда и напитки, ананасы и другие плоды, о существовании которых до той поры мы и не подозревали. Наши губы были плотно сжаты, чтобы предательская слюна не капала на пол. От предвкушения фантастического обеда саднило воображение и под языком.

Наконец, нас рассадили, и рядом с нами будто из воздуха материализовался необъятный официант, похожий на передвижное окно раздачи: его закольцованные руки удерживали

десятка два тарелок, уложенных друг на друга в форме недо-
строенной пирамиды. Он ловко расшвырял первую партию
тарелок и ринулся за второй, а «счастливики», в том числе
я, недоуменно застыли над своими порциям.

В нос ударил резкий помойный запах. Баланда, растекша-
ся по тарелке, с виду напоминала клееобразную желтую кашу,
в которой темнели неопознанные комочки. Запах утвер-
ждал, что это, в лучшем случае, прокисшее картофельное
пюре с очистками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.